

Николай Артамонов
ДИАЛОГ С БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ

Николай Артамонов

Диалог с Бесконечностью

«Автор»

2026

Артамонов Н. Г.

Диалог с Бесконечностью / Н. Г. Артамонов — «Автор», 2026

Что остаётся от человека, когда он перестаёт быть единственным хранителем собственных воспоминаний? Короткий рассказ-эссе «Диалог с Бесконечностью» — это исповедь перед лицом вечности. Один герой, одна дорога и одна сущность, которая не даёт ответов. Только вопросы. И тишина, в которой эти вопросы звучат громче, чем любые истины. Это не философия. Это крик человека, который устал быть функцией, аватаром, коллекционером чужих культур, трусом, звонящим матери раз в полгода. Он задаёт вопросы, которых ты боишься себе задать. Там нет ответов. Там есть ты. И этого достаточно. Технологии, мораль, свобода, смерть, смысл — всё это упирается в одно: готов ли ты идти, даже если не знаешь, куда?

© Артамонов Н. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Артамонов

Диалог с Бесконечностью

Глава

Она стояла, прислонившись к ржавому дорожному знаку, на котором не было ничего написано. И не было ни малейшего сомнения, что это именно она. Поскольку не было ни единого слова, которое могло бы её описать, поскольку любое слово статично и монументально, а она не могла быть ни застывшей пустотой, ни ровной линией горизонта. Я не знал, сколько времени я шёл к ней. Возможно, час. Возможно, всю жизнь. Дорога была пуста, асфальт под ногами становился всё более серым и рыхлым, словно время изнашивало его быстрее, чем мои подошвы. Пахло озоном, который бывает после грозы, когда воздух становится легким и звонким одновременно.

Я остановился в трёх шагах от неё. Достаточно близко, чтобы видеть, как свет проходил сквозь её очертания, но не рассеивался, а словно застревал внутри, превращаясь в густую, текучую полумглу. Она не смотрела на меня. Она вообще не смотрела никуда, потому что взгляд предполагает направление, а она была всем направлениям одновременно. Я сунул руки в карманы, чтобы они не дрожали, и сделал глубокий вдох.

– Знаю, что ты не ответишь, – сказал я. Голос прозвучал хрипло и чуждо, будто принадлежал не мне. – Но я всё равно буду спрашивать. Потому что если я перестану спрашивать, я перестану быть собой. И тогда я окончательно умру. Не телом – тем, что осталось от души.

Она молчала. И в этом молчании было больше смысла, чем во всех книгах, что я прочёл.

– Скажи мне, – начал я, чувствуя, как слова срываются с губ почти против моей воли, – если моя цифровая тень способна плакать, значит ли это, что я существую где-то ещё, помимо этого брэнного тела? Я ведь провожу в экранах больше времени, чем в собственной шкуре. Я там смеюсь, я там злюсь, я там влюбляюсь и разочаровываюсь. А здесь, в этом теле, которое ты видишь перед собой, я часто просто ем, сплю и смотрю в потолок. Где же настоящий я? Там, где мои пальцы касаются клавиатуры, или там, где мои мысли становятся словами, которые кто-то прочитает через тысячи километров? Я перестал понимать, где проходит граница между мной и моим отражением. Может быть, я уже давно перестал быть тем, кого знала моя мать, и стал кем-то, кого создали алгоритмы и лайки. И если завтра вырубят электричество, исчезну ли я вместе с серверами, или останусь здесь, в этом хрупком сосуде из плоти, который так легко сломать? Я провёл рукой по лицу. Кожа была сухой и горячеей, как после долгой болезни. Но внутри, под этой кожей, всё дрожало – как будто я состоял из одной только дрожи.

Но чем глубже я погружаюсь в эту цифровую кожу, тем острее чувствую, что она всё равно остаётся снаружи, отделённой от меня стеклом и расстоянием. Я могу управлять ею, но я не могу быть ею. И тогда возникает мысль, от которой трудно избавиться: а что, если убрать этот зазор? Что, если сократить дистанцию между мыслью и её проявлением до нуля? Если я уже готов доверить соцсетям свою память, свои желания, свои связи, – почему бы не доверить им сам механизм мышления? Почему бы не впустить их внутрь, туда, где рождаются мои желания и страхи?

– Ответь, а если я заменю свой мозг на кремний и сталь, – продолжил я, делая полшага вперёд, – проснусь ли я завтра тем же самым «я», или это будет уже кто-то чужой, присвоивший мои воспоминания? Представь: я ложусь спать, а просыпается кто-то, кто знает все мои секреты, любит тех, кого любил я, ненавидит тех, кого ненавидел я. Но это не я. Это идеальная копия, которой просто кажется, что она – это я. И она будет жить дальше, строить планы, заводить детей. А я умру в ту ночь, когда хирург нажмёт на кнопку. И никто не заметит подмены,

потому что моя копия будет улыбаться моей улыбкой и плакать моими слезами. Но где тогда буду я? В каком закоулке этой новой, искусственной вселенной останется то самое, неповторимое, дрожащее от страха «я», которое сейчас задаёт тебе эти вопросы? Вдруг я почувствовал, как что-то сжалось у меня в груди, как будто сердце пыталось свернуться в комок, чтобы не разбиться. Я не знал, был ли это страх или просто знание, что я уже потерял себя, ещё до того, как задал первый вопрос.

Я замолчал. В горле пересохло. Я посмотрел на дорогу, которая уходила за горизонт, но не растворялась там, а просто продолжалась, становясь всё тоньше, как нить, которую дергают из катушки.

– А если я решу загрузить своё сознание в облачный сервер, – сказал я уже тише, почти шепотом, – умру ли я в тот самый миг, когда нажму «отправить», или моя смерть наступит лишь тогда, когда выдернут шнур питания? Я слышал, что некоторые уже предлагают такие услуги. Вечная жизнь, обещают они. Бессмертие для избранных. Но я смотрю на это иначе. Я вижу не бессмертие, а красиво упакованный суицид. Потому что в тот момент, когда моя личность покинет моё тело и отправится в путешествие по оптоволоконным кабелям, тело останется здесь. Живое, дышащее, с бьющимся сердцем. Но пустое. Как дом, из которого выехали все жильцы. И я не знаю, что страшнее – умереть, когда умрёт тело, или умереть заживо, наблюдая за тем, как твоя цифровая копия продолжает жить вместо тебя.

Порывы ветра были сильными и беззвучными. Похожими на звенящую пустоту, которая приходит сразу же вслед за очень громким звуком.

– Ведь если моя личность – всего лишь история, которую я рассказываю сам себе на ночь, – продолжал я, чувствуя, как внутри меня разрастается глухая, тупая боль, – то кто же тогда её настоящий автор? Я или обстоятельства, в которые меня бросили? Я вспоминаю своё детство, свои страхи, свои первые победы и поражения. Я выстраиваю из них стройную линию, которая ведёт к тому, кто я сейчас. Но ведь я могу выстроить и другую линию. Я могу рассказать историю о том, как я был слабаком и трусом. Или историю о том, как я был героем, который просто не нашёл своего часа. Все эти истории будут одинаково правдивы и одинаково ложны. Потому что личность – это не то, что есть. Это то, что мы выбираем помнить. И если я выберу забыть что-то важное, стану ли я другим человеком? Или я уже другой, просто ещё не знаю об этом?

И этот вопрос рассыпался в тишине, не найдя опоры, потому что на него невозможно было ответить, не задав следующий: если моя личность уже разделилась на внешнюю и внутреннюю, если я уже перестал понимать, где настоящий я, – то что произойдёт, когда я попытаюсь перенести себя в другую оболочку? Когда я перестану быть просто пользователем и стану объектом собственного эксперимента? Одно сомнение тянуло за собой другое, как красную нить, которую тянут из ткани, и эта ткань рассыпается, теряя свою целостность утратив свою главную скрепу. Но я не мог остановиться, потому что остановка означала бы признать, что я не хочу знать ответа.

– И когда я ловлю себя на том, что переживаю за свой аватар в соцсети больше, чем за собственное отражение в зеркале, – сказал я, – в какой именно момент я перестал различать эти две половины себя? Вот он я, здесь, на этой пустой дороге, с этим нелепым вопросом в голове. А вот он – мой профиль. Моё лицо, отфильтрованное до идеала. Мои мысли, отредактированные до остроты. Моя жизнь, сокращённая до хайлайтов. И я знаю, что если кто-то захочет узнать меня, он не придёт к этому телу, которое сейчас стоит перед тобой. Он придёт к аватару. Потому что аватар лучше. Аватар не боится, не потеет, не пахнет. Аватар никогда не устает и не сомневается. И я всё чаще ловлю себя на желании стать этим аватаром. Насовсем. Навсегда. Исчезнуть в собственной ретуши. Я посмотрел на свои руки. На них была грязь – не та, что от земли, а та, что от собственной беспомощности. Я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была единственным доказательством того, что я ещё существую. Я чувствовал эту боль и не знал, что с ней делать.

Но пока я говорю это, я понимаю, что моя одержимость аватаром – это лишь верхушка, лишь самый заметный симптом чего-то большего. Потому что я не просто хочу быть отфильтрованной картинкой. Я хочу, чтобы вся моя жизнь стала такой – гладкой, управляемой, предсказуемой. Я уже делегировал соцсетям свою внешность, свои отношения, свою память о том, что я делал и с кем встречался. А теперь я замечаю, что делегирую им не только прошлое, но и настоящее. Я перестаю запоминать, потому что знаю, что они запомнят за меня. Я перестаю выбирать, потому что они уже предложили мне выбор. И я не могу отделаться от мысли, что эта передача полномочий идёт не от лени, а от глубокого, почти экзистенциального желания исчезнуть, раствориться в потоке, перестать быть ответственным за собственную жизнь. Я отдаю им себя по кусочкам, как человек, который раздаёт свои вещи перед последней дорогой, зная, что не вернётся.

– Если я доверяю смартфону хранить мои мысли, – сказал я, понижая голос, – означает ли это, что мой разум расширился, или я просто отдал часть себя внешнему ящику, который когда-нибудь разобьётся? Я ведь уже не помню ни одного номера телефона. Я не помню дат рождения своих друзей. Я не помню, как выглядят улицы, по которым ходил в детстве, потому что у меня есть карты, которые помнят за меня. И я не знаю, стало ли мне от этого легче. Может быть, я освободил свой мозг для чего-то важного. Но что важное я там разместил? Рекламу? Уведомления? Бесконечный поток новостей, который завтра устареет и будет забыт? Я как будто нанял секретаря, который запоминает всё за меня, а сам я сижу в кресле и смотрю в окно. И однажды я понимаю, что за этим окном уже ничего не происходит. Потому что я перестал смотреть. Я перестал запоминать. Я перестал жить. Я просто транслирую.

Но этот вопрос, едва родившись, рассыпался под собственной тяжестью, потому что он был лишь предлогом, лишь ступенькой к другому, более острому. Если я уже перестал быть хранителем собственной памяти, если я делегировал смартфону не просто даты и лица, а сам процесс запоминания, – то что остановит меня от того, чтобы делегировать ему и сам процесс желания? Ведь желание – это ведь тоже память. Это память о том, что мне нравилось раньше. Это предсказание того, что понравится снова. И если алгоритм знает мою историю лучше меня, если он видит мои паттерны, которые я сам не замечаю, – то почему бы ему не заменить мою волю целиком? Я уже перестал удивляться, когда он предлагает мне именно то, что я хочу. Я уже почти не различаю, где моё собственное «я хочу», а где просто «мне показали, и я согласился». Я стал читателем своих желаний, а не их автором. И этот вопрос, который я так долго отгонял, теперь стоял передо мной, требуя, чтобы я произнёс его вслух.

– А когда приложение предсказывает мой завтрашний заказ быстрее, чем я сам успеваю захотеть, – сказал я, усмехнувшись собственной беспомощности, – кто в этом странном дуэте хозяин, а кто всего лишь исполнитель? Я думаю, что выбираю. Я думаю, что я свободен. Я захожу в интернет-магазин, и мне показывают то, что я, по их данным, хочу купить. Я нажимаю «купить». И мне кажется, что это моё решение. Но ведь они знали, что я нажму, ещё до того, как я открыл приложение. Они предсказали меня. Они вычислили мои желания по моим же предыдущим желаниям. И теперь я не могу отличить свои настоящие потребности от тех, которые мне подсунули. Я хочу эту куртку? Или я хочу её только потому, что мне показали её тридцать раз за последний час? Я хочу это блюдо? Или я хочу его потому, что у меня кончились продукты, а доставка – это самый простой путь? Я перестал быть автором своих желаний. Я стал их читателем. И мне это почему-то нравится. «Проще», – повторил я про себя. – «Проще – это когда не надо думать. Проще – это когда я уже не человек. Проще – это когда я просто механизм, который выполняет команды, даже не зная, кто их отдал». – Сидеть! – говорит голос из ниоткуда, и я сажусь.

Но этот вопрос не был финалом, он был только дверью, за которой открывался следующий коридор. Потому что если я уже принял тот факт, что мои желания формируются извне, если я уже смирился с тем, что выбор между «я хочу» и «мне показали» стёрт до полной нераз-

личимости, – то я должен был признать и другое: я доверяю этим алгоритмам. Я доверяю им даже тогда, когда они ошибаются. Я доверяю им, потому что они выдают свои предсказания за чистую монету, за объективную реальность, за истину, которая не требует моего участия. Но если мои желания – это уже не мои, то что тогда сказать об истине, которую я получаю оттуда же, от тех же машин, тех же систем, тех же корпораций, которые уже научились предсказывать меня? Ведь истина – это ведь тоже продукт. Её тоже собирают, обрабатывают, упаковывают и продают. И я покупаю её так же охотно, как покупаю ту самую куртку, которую мне показали тридцать раз. Истина становится товаром, а я – её потребителем, даже не задумываясь о том, кто её произвёл и с какой целью. И этот вопрос, который я так долго откладывал, теперь стоял передо мной будто живой человек, требуя, чтобы я перестал делать вид, что не замечаю его.

– И если алгоритм выдаёт мне «чистые данные», собранные с чьих-то ошибок, – сказал я, чувствуя горечь, – где в этом потоке чисел прячется истина, а где просто красиво упакованная ложь? Мне говорят: цифры не врут. Статистика объективна. Большие данные не имеют предубеждений. Но я знаю, что это неправда. Цифры врут так же легко, как слова. Потому что за каждой цифрой стоит человек, который решил, что именно эту цифру нужно собрать. И он собрал её так, как ему было удобно. Он отсекал то, что не вписывалось. Он округлил то, что было некрасиво. И теперь я смотрю на эти идеальные графики и верю им, потому что они красивые. А истина, если она вообще существует, сидит где-то в необработанных логах, в мусоре, в том, что никто не захотел анализировать. И я никогда её не найду, потому что я слишком ленив, чтобы копаться в мусоре. Я хочу готовых ответов. И алгоритм даёт мне их. Он даёт мне истину, которую я заслуживаю. Удобную, чистую, продаваемую. Я чувствовал, как внутри меня что-то рвётся. Не сердце. Не лёгкие. Что-то другое – то, что я называл душой, когда был молодым. Оно рвалось на куски, как старая ткань, которую больше невозможно зашить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.